



КОВЧЕГ

Лариса Анатольевна Стрельцова родилась в деревне Нестеровке Саратовской области. В Оренбург переехала с родителями, окончила историко-филологический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Работала корректором, корреспондентом, редактором отдела писем областной газеты «Южный Урал». Стихи пишет со школьных лет, публиковалась в областных газетах, коллективном сборнике «И с песней молодость вернётся». Автор двух сборников стихов: «Монолог» и «Ностальгия». Живёт в Оренбурге.

Вечером ужинали, как всегда, втроем. Павел, сидящий напротив Полины, по своей излюбленной привычке пускался в рассуждения:

— В юности человек мечтает о перспективе, к чему-то стремится, строит воздушные замки. А повзрослел — и тут, уж извините, как получится... Чаще всего он становится жертвой обстоятельств. Суровая реальность. Никаких тебе замков, довольствуйся малым — куском вот такой непонятно из чего сварганенной колбасы, — он кивнул на бутерброд. — Конечно, голодающий будет рад и этому. А другой, смотришь, как сыр в масле... Зато учится ценить любовью подарок судьбы...

Полина, терпеливо сжав губы, пережидала этот словесный поток. Хотелось спросить мужа, когда же это он голодал, но знала, что после этого разговор перейдёт в пустую, ленивую перебранку, проще было промолчать. Она так

устала сегодня, что спорить не было сил: четыре часа — на одной работе, четыре — на другой.

Павел не работал, жил как получится и, похоже, не задумывался, откуда в доме появляются деньги. Заглядывал в холодильник и спрашивал: «А колбаски у нас нет?» Полина свирепела. Однажды не выдержала и напрямик бросила ему в лицо всё, что накопилось. Муж молчал, даже не пытаясь оправдываться.

Он называл себя человеком творческой профессии. Это означало, что его тонкая душа не выносит грубой, жестокой реальности: дворник, грузчик, подсобный рабочий — не его стезя. У него была интеллигентная профессия — учитель музыки, но выяснилось, что работать с детьми Павел не может, они его раздражают и утомляют. Заявил, что среди них не видел ни одного по-настоящему одарённого ребёнка, за редким исключением. На таких бесперспективных детей педагогу просто жаль тратить своё время и силы, утверждал он. Но родители упорно заставляли их выбивать из клавиш гаммы и сидеть за инструментом. Поговорив с одним из таких отцов, Павел, не сдержавшись, выложил ему свою точку зрения: не стоит тратить время впустую. Обиженный и возмущённый родитель пожаловался на Павла директору музыкальной школы. Состоялся неприятный разговор, и когда после летних каникул Павел подал заявление об уходе,

его не удерживали. Другого места он так и не нашёл.

Сейчас, за кухонным столом, он завёл длинный монолог ни о чём. Десятилетняя дочь Даша, чувствуя настроение матери, переводила тревожный взгляд с Полины на Павла, заметив, что Полина с трудом удерживается от гнева. Все проблемы семьи лежали на её плечах. Полина смотрела в лицо Павла с уже начавшими расплываться чертами, пухлыми губами, жирными от только что съеденного бутерброда, и с ужасом чувствовала, что ненавидит эту беспечность, равнодушие и самодовольство, абсолютную уверенность в себе. Ненавидит его самого, демагога-неудачника, и его привычку судить других, стремление устранить от насущных проблем своей семьи.

В тот вечер она дала себе волю. Дочери дома не было, и со всей страстью натерпевшейся души Полина почти кричала на мужа, и душа её ликовала, радуясь освобождению, и уже ничто не могло её остановить. Кричала, и плакала, и обвиняла, не заботясь о том, что будет дальше. Павел слушал молча, не перебивая, вероятно, не зная, что ответить. Он вообще предпочитал обходить острые углы в надежде, что потом всё образуется, уляжется само собой. Дрогнуло ли в нём хоть что-то или ему, как всегда, всё безразлично?

На следующий день, придя с работы, Полина нашла записку:

«Алименты буду пересылать на твою карту. На развод подавай сама, если хочешь, мне он не нужен».

А через полгода позвонила в дверь свекровь — высокая, худая, с бесцветным лицом и тонкими подкрашенными губами. В глазах застыли неприязнь и обида. Не раздеваясь, опустила на край углового дивана в кухне.

— Павел страдает, — сказала она, глядя в сторону. — Скучает по семье. Я больше не могу это выносить. Зачем ты развалила брак? Другого себе нашла? А о дочери подумала? Я пришла сюда только ради своего сына.

Она говорила с паузами, с трудом сдерживаясь, и Полина почувствовала себя виноватой перед всеми — перед Дашей, Павлом, его матерью. Получалось, что единственной виновницей страданий их всех была она, по собственной прихоти причинившая боль близким людям.

— Павел устроился на работу, — после паузы продолжила свекровь.

— Куда? — удивилась Полина.

— Охранником на автобазу. Он просил передать это для Даши, — и свекровь положила на стол конверт с деньгами.

— Охранником?! Да он же прекрасный музыкант, замечательный пианист! Писал музыку, выступал на вечерах и концертах! Его миниатюры студенты разучивали как учебное пособие...

— Когда это было! — мать Павла махнула рукой. — Вспомнила вчерашний день! Это ты виновата, не поддержала его! Ты хоть это понимаешь?

— А вы? Кого вы из него вырастили? Ребёнка, который с детства привык прятаться за чужую спину и ни за что не отвечать!

— Ты знала, за кого шла за муж! — резко перебила её свекровь. Она смотрела на Полину строго, не желая сдавать позиции. Хотела добавить ещё что-то, но в этот момент появилась Даша, тоненькая, со светлой косой, глазами похожая на отца. Бабушку она видела нечасто и в первую минуту не узнала.

— Здравсьте! — сказала девочка и села рядом с матерью.

— Это твоя бабушка, — пояснила Полина. Даша молча кивнула. Ей было неуютно под бабушкиным пристальным взглядом.

— Ты хочешь что-нибудь передать папе? — спросила свекровь.

— Передайте привет.

— Скучаешь по нему?

— Да. А почему он не приходит?

— Дочка, поставь, пожалуйста, чайник, — попросила Полина, чтобы прервать этот щекотливый разговор.

Свекровь поднялась:

— Я пойду.

Проводив её, Даша вернулась.

— А зачем она приходила?

— Сказать, что папа скучает.

— А ты? Ты скучаешь?

— Нет.

Наверное, было слишком жестоко говорить это дочке, зато честно. А скучать Полине было и впрямь некогда. Она нашла новую работу — бойкое место — диспетчер в управлении жилищно-коммунального хозяйства: телефонные звонки весь день не замолкали, отчёты, жалобы, контроль выполнения заявок, график работы бригад... Частые споры с заказчиком выматывали силы, заставляли забыть о себе. Зато зарплату хватало.

Полину всегда удивляла твердокаменность характера свекрови, на губах которой редко проскальзывала тень улыбки, тусклой, как морозящий осенний дождь, бесстрашие было её естественным состоянием. Два её сына росли без особого тепла и внимания, привыкнув жить каждый сам по себе, совершенно разные и без особой привязанности друг к другу, хотя были почти ровесниками. Их отец, кадровый военнослужащий, постоянно в разъездах и командировках, мало занимался сыновьями, любил выпить. Приходя со службы, валялся в постель и удивлялся, что дети растут так быстро. Мать, учительница английского языка, и дома оставалась классной дамой, мальчишки росли, как маленькие солдатики, марширующие по плацу. Их домашние обязанности были строго распределены и контролировались матерью: вымыть посуду, пол,

вытряхнуть коврик, погулять с собакой. Наверное, жёсткая муштра предполагала воспитать в них дисциплинированность и ответственность. Но старший, Олег, ещё учась в школе, время от времени стал убегать из дому, а потом уехал поступать в институт, да так и остался в другом городе, женился и навсегда оторвался от своей семьи.

А Павел вырос тихоней, скрытным, привыкшим лгать и лавировать, побаивался свою мать. Музыкальные способности у него выявились рано, и его отвели в музыкальную школу. Мать гордилась сыном и заставляла играть этюды и вальсы, когда приходили гости. Отца не стало, и Павел попал под тотальный материнский контроль. В отсутствие сына она заходила в его комнату и тщательно просматривала лежащие на столе письма и бумаги. Ей хотелось знать тайную жизнь Павла, скрытую от неё. Однажды сказала Полине:

— Я прочитала на его столе твою записку и стихи, которые ты ему посвятила. Думаю, что при таком мягком характере ты вряд ли сможешь держать его в руках, ему нужна женщина сильная и независимая.

— Вы считаете, что надо держать его на поводке, как собачку?

Будущая свекровь ответила на это со своей обычной невозмутимостью:

— Я имею в виду — когда вы поженитесь.

— А я замуж не собираюсь, — с вызовом ответила Полина.

Одна бровь свекрови поднялась вверх.

— Но ходить в дом к мужчине означает, что у тебя серьёзные планы на будущее относительно него, а иначе ты вводишь в заблуждение всех.

— Мы люди взрослые и можем решать без оглядки на других. А вообще я ещё ничего не решила. Неприлично — значит, могу и не ходить.

— Вот как? — мать Павла посмотрела на Полину так, будто видела впервые. — А что же дальше?

— Не знаю. Извините, мне пора.

Теперь, спустя много лет, Полине казалось, что Павел женился на ней только для того, чтобы сбежать от материнского контроля. При упоминании о ней его лицо становилось холодным и жёстким, называл её безлико: «мать» или «старуха» и никогда — мамой. В одном лишь свекровь оказалась права: управлять мужем Полина не умела, жила рядом с ним — будто плыла по течению. А Павел благополучно угнездился за её спиной.

Теперь, после развода, жизнь Полины полностью сосредоточилась на дочери. Но чем старше становилась Даша, тем труднее было находить понимание с ней, Полине иногда казалось, что не узнаёт её.

...Природой задумано так, что, едва появившись на свет, детёныши начинают жить самостоятельно: бабочки, освободившись от кокона, взлетают и перелетают с цветка на цветок, будто заранее наученные; птицы, едва вылетевшие из гнезда, парят в воздухе смело и весело. А ребёнка надо долго и терпеливо готовить к жизни, учить, оберегать от необдуманных поступков и делать это осторожно, чтобы не ранить нежную юную душу. Но Даша, как птица, вылетела из детства и устремилась в собственном направлении, не советуясь и не ставя в известность. А при первом же замечании уходила в свою комнату, как в кокон, и молча закрывала за собой дверь, после чего продолжать разговор становилось невозможным.

Дочь унаследовала отцовские гены, её приняли в лучшую музыкальную школу города, в этом году Даша её оканчивала. Педагоги предсказывали ей большое будущее, им вторили члены жюри смотров и конкурсов, на которых она выступала. И теперь предложили участие в региональном конкурсе юных музыкантов.

...Большой зал был полон. Этот конкурс был крупным событием для будущих музыкантов, возлагавших на него большие надежды, праздником, на который собрались педагоги,

родители, гости. К приходу Полины были заняты почти все места, ей пришлось пристроиться у самого входа; Павел с матерью сидели в первом ряду. Возглавлял жюри именитый московский гость.

Дашино выступление поставили в середине концерта. Она вышла на сцену — девочка-тростиночка в длинном струящемся платье, со взрослой причёской, замысловато уложенной на затылке. Строгая, сосредоточенная. Поклонилась залу, села за рояль.

Полина напряглась, сжала пальцы, смотрела на дочь, на её прямую спину, тонкий профиль. Вспомнила, как с раннего детства называла её своим талисманом.

— Почему? — спросила однажды Даша.

— Потому что ты приносишь мне счастье.

Вот и в эти минуты дочка делала её счастливой.

...Исполнялся Концерт Чайковского для фортепиано с оркестром. Начинали скрипки — негромко, будто неуверенно. Пальцы Даши смело, настойчиво пробежали по клавишам — громко, отрывисто. Сколько раз Полина слышала их, когда дочь готовилась к концерту. Но в этом большом зале с высокими потолками они звучали по-новому, улетая в неведомые дали, и возвращались обратно, и Полине показалось, что она слышит их впервые...

Даше присудили третье место. Зал щедро аплодировал, ей подарили цветы, Павел вышел на сцену с большим букетом белых роз.

Полина дожидалась Дашу в фойе. Дочь появилась с таким лицом, будто у неё болела голова. Полина обняла её:

— Поздравляю!

— С третьим местом? — нервно ответила Даша.

— Да это же большая победа! И это только начало!

— Или конец! — съязвила дочь. — Сколько времени и сил — и что? «Победа»!

Даша стала студенткой Института музыки. На втором курсе она влюбилась. Её избранником стал молодой человек, не имеющий к музыке никакого отношения. Однажды он увидел Дашу на улице и шёл следом за ней до самого дома, а на следующий день дожидался её у подъезда с букетом. На Дашу, не испытывая внимания молодых людей, но открытую первым движениям души, это произвело неповторимое впечатление и стало вступлением в новый мир чувств. С этого момента всё отодвинулось далеко и надолго — занятия музыкой, конкурсы, концерты. На первый план выступил он — Александр. На глазах Полины рушились надежды и замыслы. Жизнь дочери была её единственным смыслом: быть рядом, помогать, работать, чтобы Даша ни в чём

не нуждалась. Но в это вторгся человек, который мгновенно разрушил всё, выстроенное годами труда. Для него планы, успехи и победы Даши не значили ничего и были ему неинтересны. Когда-нибудь он исчезнет так же, как и появился, а они останутся на пепелище, время уйдёт, и невозможно будет вернуть потерянное по крохам. Полина не хотела его видеть, знакомство с ним означало сближение и давало парню надежду, но допускать это было невозможно.

И всё-таки он появился без предупреждения — высокий, худощавый, с густой шевелюрой и белозубой улыбкой — принц, да и только.

— Чем вы занимаетесь? — спросила Полина.

— Работаю на стройке, на ремонте домов.

— На подхвате: подать, принести, — съязвила она невольно.

— Бывает и так.

Не поднимая глаза на мать, Даша нервно помешивала чай.

— А вы знаете, что Даше всего восемнадцать лет и ей надо продолжать учёбу? Она пока ещё зависит от своей семьи.

— От вас?

— И от меня тоже. Я должна знать, что связывает вас с моей дочерью.

Он молчал. Даша резко встала из-за стола:

— Мама, зачем ты так? Что плохого мы делаем? Мы просто встречаемся. Между прочим, как и все. Пойдём, Саша.

Александр встал и направился вслед за ней.

— Допоздна не задерживайся! — крикнула Полина вслед дочери.

Даша появилась лишь наутро. Всю ночь Полина не заснула. Услышала, как скрипнула входная дверь, но не сделала и шагу навстречу. Поняла, что Александр победил.

Даша объявила, что выходит замуж. Сейчас Саша живёт в общежитии, но будет искать квартиру. «Всё кончено, — поняла Полина. — Как быстро». Спросила:

— У него есть родители?

— Они живут в деревне, недалеко от города, мы туда ездили.

— И ты мне ничего не сказала!

— Просто я знала, что ты будешь против.

— А папа знает про Сашу?

— А ему теперь не до меня, у него новая семья.

У Полины упало сердце. Она поняла, что осталась совсем одна. Была семья, теперь семьи нет, у каждого своя жизнь, и только у неё самой нет никакой жизни, дочь в ней тоже не нуждается. И в этом виновата только она, Полина. А что же дальше?

...За стеной негромко звучало пианино, звуки рассыпались, надо вызывать настройщика. Она заснула, будто провалилась. Грезилась обрывки каких-то странных эпизодов: Павел под руку со своей матерью; разъярённый заказчик с жалобой;

она сама в новом платье с большим декольте, которое тщетно пытается прикрыть руками.

Проснулась. Даши дома не было. Вышла на улицу и бесцельно побрела, пока не оказалась у здания музея изобразительных искусств. Большой стенд у входа в музей предлагал посетить выставку с экспозициями из частной коллекции картин, доставленную из Москвы. Полина не была любителем живописи, но сейчас захотелось успокоиться и переключить внимание, обрести душевное равновесие.

Вошла. По стенам музея были развешаны картины. На неё смотрели лица из другой эпохи — из прошлого. Жёсткие воротники мужских костюмов, наглухо закрывающие шею и грудь; одежда, украшенная золотым орнаментом; руки, унизанные массивными перстнями; высокие замысловатые причёски дам. Время запечатлело давно ушедшее. Когда-то эти люди так же, как и сегодня, радовались и страдали, но между вчера и сегодня лежала пропасть. Жилось им вряд ли проще и счастливее, чем нам, нынешним. И они словно говорили, обращаясь к сегодняшнему веку: «На нашу долю выпало так много бед. Не верьте нашей показной беспечности и благополучию. Не смотрите на наши одежды и умиротворённые лица, это только маски. Настало ваше время. Не падайте духом, терпите и будьте счастливы». Люди останавливались возле портретов, стояли и

смотрели на эти лица. И слушали их. И Полина вместе со всеми стояла и смотрела.

Вместо свадьбы устроили домашнюю вечеринку: жених с невестой, Павел с мамой, мать жениха и свидетели с двух сторон. Ни большой торжественности, ни особого веселья не чувствовалось. Когда в зале регистрации новобрачные стояли в ожидании главной минуты, на вопрос «согласны ли вы...» Даша тихо ответила «да» и взглянула на мать, и Полине показалось, что глаза дочки предательски потемнели. Плачет? Может быть, только сейчас до неё дошла суть происходящего? Полина улыбнулась ей и кивнула, мол, всё хорошо.

Дома рядом с Полиной неотступно крутилась приехавшая из деревни мать жениха Антонина. Полина почему-то ожидала увидеть полногрудую круглолицую тётку, шумную и хохочущую на весь дом, но ею оказалась невысокая женщина с гладкой причёской, лицом неуловимо похожая на своего сына. Не отходила ни на шаг: чем помочь, что подать? Привезла огромные баулы с деревенскими продуктами: копчёное сало, распространяющее по всей квартире соблазнительный запах, домашнюю колбасу, мясо, ведёрко сметаны, овощи, яблоки и большую бутылку самогона. Она по-деревенски называла Полину свахой и на ты.

— Теперь мы родня, — сказала она и по-свойски обняла Полину. Дашин свёкор не смог приехать, лежал дома, сражённый радикулитом. С фотографии улыбался полный, жизнерадостный дядька, держащий на вытянутых руках огромную рыбину. В больших резиновых сапогах и шляпе. От него исходил здоровый дух оптимизма, прямо как с рекламной картинки с призывом охранять природу.

Молодые пили шампанское, гости — самогонку, приправленную смородиновым листом, ели сало и рыбу, пели народные песни и, конечно, «Свадьбу» из репертуара Магомаева. К концу праздника в кухню к Полине заглянула Даша и робко спросила:

— Мама, а можно мы сегодня останемся с тобой?

— Ну а где же ещё? — удивилась Полина.

— Ты на меня не обижаешься?

Полина обняла её и сказала вместо ответа:

— Только не бросай учёбу. А я всегда с тобой.

С этого дня молодые поселились в Дашиной комнате. Зять оказался человеком, умеющим быстро приспосабливаться к новым условиям и при этом чувствовать себя как рыба в воде, будто жил здесь с самого рождения. Самоутверждался: на свой вкус перевесил картины в Дашиной комнате, по-хозяйски по-

шарив на антресолях, разыскал гвозди, молоток и положил туда, где решил сам. Тёщу называл по имени-отчеству. Шокирующей неожиданностью для Полины оказалась привычка зятя ходить по квартире в одних трусах, не стесняясь её присутствия, он шёл в кухню и садился за стол в таком виде, не подозревая о правилах приличия. Понимала ли это Даша или просто не решалась сделать ему замечание, Полина не знала, но когда сама сказала ей, дочь вспыхнула и промолчала; Саша продолжал в том же духе.

Для Полины стало неожиданностью, что её не приученная к плите дочь теперь самостоятельно готовила обед. Полина считала, что девочка больше времени должна уделять музыке, остальное освоит позже, но Даша старалась ради своего мужа, это было понятно, хотя похвастаться успехом не могла, но Саша хвалил.

Вечером молодые уходили гулять, а Полина с тревогой думала, как мало дочь занимается музыкой. Когда осторожно напоминала ей об этом, Даша обижалась:

— Мама, я уже не маленькая, всё помню!

Её муж, не поднимающий головы от компьютерных игр, на мгновение отрывался от своих занятий и смотрел на Полину глазами, в которых читались полная отрешённость от происходящего и глубокая погружённость в виртуальные пространства и фантазии. Полина шла

в свою комнату и долго сидела, уставившись в одну точку, не в силах сосредоточить мысли, старалась переключиться.

За короткий срок Саша успел перессориться с соседями, они жаловались Полине. Пожилые люди, на глазах которых она выросла и всегда сохраняла с ними тёплые отношения, теперь оставливали её во дворе и огорчённо рассказывали, как Саша опять нагрубил, не поздоровался, проигнорировал замечание. По их лицам Полина понимала, что они догадываются о сложной ситуации в её семье и, наверное, сочувствуют ей.

— Понимаешь, Поленька, у меня астма, я задыхаюсь от запаха курева, а когда твой зять курит на лестнице, дым поднимается прямо к нам. Я несколько раз просила его выходить во двор, так он послал меня, — и соседка красноречиво замолкала.

Полина, вынужденная оправдываться, опускала перед ней глаза, будто это она воспитала в зяте хамство и неуважение.

Но больше всего пугало то, что по воскресеньям Саша приносил большую бутылку пива, рыбину и приглашал за стол их с Дашей. В первый раз Полина пошла на уступки, чтобы не обижать Сашу, но ситуация повторилась, пришлось решительно заявить, что она не хочет видеть свою дочь нетрезвой. Даша растерянно смотрела перед собой и молчала.

Однажды увидела её заплаканное лицо.

— Он тебя обидел?

— Он ревнует. Приходит в институт к концу занятий и следит издали, с кем я выхожу или разговариваю. Потом начинает устраивать сцену.

— А ты оправдываешься?

— Когда как. А что делать?

«Нет покоя в нашем королевстве». Каждый день теперь Полина ждала нового сюрприза. У Даши приближался переводной экзамен, теперь она играла по нескольку часов в день.

— Пойду прогуляюсь, — однажды вечером сказал Саша, сбросил куртку и ушёл. Прошёл час, полтора — не возвращался. Даша встала из-за инструмента, подошла к матери, в её глазах был немой вопрос. Полина отвела взгляд, делая вид, что ничего не происходит.

Ей показалось, что зять вернулся навеселе. Вскоре ситуация повторилась: Даша — за пианино, он — гулять. «Что делать? — думала Полина. — Снова вмешиваться? Это же их семья. А я лезу...»

За стеной новая ссора, взаимные упрёки. Трудно было сдерживаться, но терпела, после чего долго не спалось, утром шла на работу разбитая и измученная. Но однажды, не помня себя, в самый разгар скандала ворвалась к ним в комнату. Поток хлынуло негодование, будто лава, накопившаяся в вулкане.

Саша оборонялся:

— Я знаю, что вы ненавидите меня! С первого дня! Из-за того, что я живу в вашей квар-

тире! Мы же хотели переехать, вы сами нас не отпустили! Я вашей дочке не пара, да? (Полине очень хотелось ответить «да!»). Я уже начал искать комнату!

Даша с безмолвным ужасом смотрела на него. Полина сжала зубы и пошла к себе.

Грузчики носили вещи и бросали в машину. Собственно, вещей было немного, в основном мебель из Дашиной комнаты. Даша стояла и смотрела растерянно, будто не понимая, что происходит. Не похожа была её девочка на молодую счастливую жену, а для Полины она так и оставалась ребёнком — единственным талисманом, в который было вложено столько любви и надежд.

Уехали. Полина бродила по опустевшей квартире и стыдилась признаться себе, что чувствует себя свободной от привычного напряжения; отпустила тревога и необходимость прислушиваться — что там, за стеной?..

Навещала их нечасто и каждый раз видела нерадостную картинку их быта: беспорядок, немытая посуда, забытый в холодильнике пакет прокисшего молока... Даша не справлялась: через год — получение диплома, к которому надо усиленно готовиться, а Саша, судя по всему, не помогает.

...Вот их дом. Поднялась на этаж, дотянулась до кнопки звонка. Даже здесь, в коридоре, было слышно, что разговор идёт

на повышенных тонах. Говорил зять. Сердце отчаянно заколотилось. На мгновение Полина замерла, но, взяв себя в руки, нажала на звонок. Открыла Даша. Невыспавшееся лицо, следы слёз на щеках.

— Что тут происходит? — помимо воли голос Полины дрожал. — Вас на весь дом слышно!

Они стояли перед ней молча, оба красные, взъерошенные. Саша не успел справиться с охватившим его гневом, Даша не могла поднять глаз на мать. Полина прошла в кухню, выложила на стол принесённые продукты. Ни слова не говоря, пошла к входной двери.

...Забрать её отсюда и спрятать под своё крыло, пока не поздно... А если Даша не простит то, что вторглась и сломала её семью, разбила любовь?..

Дома было тихо и пусто, не хватало звуков, движения, самой жизни, хотелось закрыть голову руками и прервать мерный звон тишины. Подумала о Павле: он лежал бы сейчас перед телевизором, безучастный, флегматичный, сказал бы ей: «Ну перестань, всё образуется». Он говорил это всегда, когда она ждала от него совета и поддержки, будто происходящее касалось только её одной. Значит, даже в родной семье никто никому ничего не должен... Как хочется тепла, участия, совета человека, которому не всё равно, которому веришь. Была бы мама, но её давно нет. И ты одна тащишь свой тяжкий груз.

...Конец мая. Ещё цветёт сирень, в воздухе застыл её густой запах. После недельных дождей установилась сухая, ясная погода. Солнце согревает и расслабляет.

Полина шла через сквер. Невольно остановилась, глубоко вдохнула тёплый сиреневый аромат. Не хотелось уходить отсюда в пыльную атмосферу города за спиной — будто в другую страну, с шумом автомобилей, мельканием встречаемых лиц, устоявшимся ритмом, который делает тебя составной частью этого общего бесконечного движения. Она опустила на скамью под сиреневым кустом, закрыла глаза и выключила в себе болевые точки, приказала ни о чём не думать хотя бы несколько минут...

— Я вам не помешаю?

Полина открыла глаза. На другом краю скамьи сидел мужчина. Скуластое лицо, внимательный взгляд за стёклами больших очков.

— Хорошая погода сегодня. А я вот ногу подвернул — не слушается, — пояснил он. — Простите, что нарушил ваш отдых.

Речь у незнакомца была отрывистой, говорит — будто приказы отдаёт.

— Мне знакомо ваше лицо, а вот откуда — не могу вспомнить, — продолжал он.

— Наверное, заходили в нашу контору по случаю ремонта, — подсказала Полина, — а я принимала ваш заказ.

— Да-да, — оживился он. И дальше они разговаривали, будто давно знакомые. Он преподаватель в институте, семейный, любит загородные поездки и лыжные прогулки.

А что подтолкнуло её рассказывать о себе? Наверное, прорвалось то, что давно накопилось. Некому было довериться, и вдруг рядом оказался человек, которого она никогда больше не увидит, поэтому ничем не рисковала и ничего от него не ждала. Просто сняла груз с души.

Незнакомец слушал, задумчиво глядя перед собой, на Полину глаз не поднимал, не перебивал, не переспрашивал — то ли слушал, то ли думал о своём. Неторопливо поднялся со скамьи:

— Извините, мне пора. — Помедлил и добавил: — Простите за банальность, но с вами очень легко. Удивительно легко! Редко встречаются такие открытые люди. Спасибо вам за доверие.

И пошёл, прихрамывая. Полина смотрела ему вслед с чувством лёгкого сожаления. Он скрылся из виду. Пошла домой и она.

Прошла неделя. В конце рабочего дня он появился на пороге офиса и направился прямо к её столу. Они взглянули друг на друга и поздоровались глазами.

— Мне нужно вызвать сантехников, — сказал мужчина. Полина открыла журнал заказов: «Климов В.С.» и адрес.

Вышла на улицу, собираясь домой, и увидела его. Они пошли,

обходя лужи и слушая задорный птичий щебет.

— Это воробьи? — спросила Полина, чтобы прервать паузу.

— Скорее всего, соловьи. В мае они празднуют и ищут пару.

— Что празднуют?

— Лето, тепло.

До самого дома молчали.

— Так посылать вам слесарей?

— Нет, конечно, — ответил он прямо. Голос хрипловатый, будто простуженный. В волосах просачивалась седина. На следующий день Климов снова ждал её у офиса.

Он не был похож на искателя приключений, которого видно с первого взгляда. Зачем он приходит? Домашние неурядицы, злая жена, частые ссоры из-за денег, которых всегда не хватает? Спрашивать об этом было невозможно. Однажды, когда Климов не пришёл, Полина прождала его почти полчаса, сидя за рабочим столом. А возле своего дома увидела его — обрадовалась, но виду не подала.

— Не успевал я к концу рабочего дня, решил дождаться вас здесь, — объяснил он.

Полина открыла дверь подъезда и кивком пригласила его войти.

Этот роман взорвал всю её предыдущую жизнь. Знала: когда-нибудь всё закончится, но думать об этом сейчас было просто невозможно. Понимала одно: это

её человек! Её! Настолько близкий, что не верилось иногда, что у него своя жизнь — семья, проблемы, которые привык решать сам, потому что был сильным. С ним было тепло, надёжно, ничего не надо объяснять. Он ей ничего не должен, она ему тоже, пусть просто будет рядом. С Павлом было иначе: безумие юности, молодая страсть, которая бросает тебя навстречу чувству, и ты веришь в безоговорочное, бесконечное счастье.

Климов немногословен. Входит в дом, проходит в кухню, вынимает из большого пакета рыбу, овощи, варит плов, говорит ей: «Отдохни» — и зовёт пить чай. И ничего больше не надо, только бы был рядом всегда, как сейчас.

...Полина знала: нельзя жить в выдуманном мире. Нельзя придумывать людей и отдавать себя во власть своих иллюзий. Рано или поздно с глаз спадёт пелена, тебя собьёт с ног реальность с её жестокими уроками. Почему понимаешь это только тогда, когда уже ничего нельзя исправить? Ведь она уже давно не юная мечтательница, ей непростительно оставаться такой в её годы, только какое это имеет теперь значение?

...Даша окончила институт. Постоянной работы не было, приходилось довольствоваться репетиторством. Они виделись нечасто, перезванивались, и по интонации дочери Полина слышала её настроение. Не верила Саше, не верила в крепость этого брака и боялась неизбежного

этапа жизни молодой семьи — сообщения о рождении будущего ребёнка. И этот день настал.

Голос Даши звучал слабо, как у больной. Полина испугалась:

— Что с тобой?

— У меня токсикоз.

— Давно?

— Вторую неделю.

— У врача была? Что говорит Саша?

— Ничего. Мне кажется, ему всё равно.

— Я так и думала! — вырвалось у Полины. — В конце концов, он неплохо зарабатывает, ты можешь сидеть дома.

— У него сейчас нет работы, какие-то проблемы с заказчиком.

— Я завтра приду, — сказала Полина.

Саша открыл ей, как всегда, в семейных трусах, засуетился, бросился в кухню.

...В учебниках по медицине сказано, что физическая боль — сигнал опасности, сбоя в деятельности организма, предупреждение. С ней надо бороться, пока она не переросла в большую проблему. Когда у человека болит не тело, а душа, это не менее опасно, душа — субстанция порою более чувствительная, она острее переносит удары и превратности судьбы, особенно если удар наносится неожиданно.

Вначале едва слышно, маленькими уколами, словно издалека, в Полине стала пробиваться ревность. Потом зазвучала громче, резче, как скрипки в концерте, где солировала Даша; ещё громче и резче; наконец —

сильно, отрывисто, заполняя собой всё пространство.

У Полины никогда не возникла мысль увести Климова из семьи, раз и навсегда это было для неё табу. Даже отдалённо, в мечтах она не допускала, что могла бы разрушить незыблемое, посланное свыше, выстроенное годами, а после этого жить со спокойной совестью. Уничтожить прошлое невозможно, оно всегда будет идти рядом. Но стоило представить, как Климов приходит домой, его руки ещё сохраняют тепло Полининых прикосновений, а он, словно забыв об этом, обнимает жену... Дух от боли занимался. И всё-таки — пусть так, только бы был рядом!

Приехала из деревни Антонина — Сашина мать. Сказала, что всего на неделю, получилось — почти на месяц. Появилась на пороге, как всегда, с полной сумкой деревенских гостинцев и осталась у Полины ночевать. Её бесхитрость и открытость обезоруживали. Говорила много. Рассказывала о сыне: как он хорошо учился в школе, как поехал в город поступать в строительный техникум, но встретил девушку, которая вскружила ему голову, и решил на ней жениться. Спасли родители девушки — не разрешили. После этого последовала вторая попытка, потом третья... Из техникума Сашу отчислили...

Полина слушала и понимала, что её зять — ловец приключений, живёт взахлёб, спешит

объять необъятное без оглядки на реальную жизнь. Тянет за собой в открытое море, сам не умея плавать. Она молчала, понимая, что рядом с этим «пловцом» на беду оказалась её дочь.

— А почему вы с мужем не забрали его из города домой?

— А что он будет делать в деревне? — удивилась Антонина. — Отец сказал: он взрослый, пусть попробует. А я — вот что: приехала помочь. Скоро у нас будет внук, а Даше одной тяжело, ты сама работаешь.

— А где будешь жить? — спросила Полина напрямик, давая понять, что на неё Антонине рассчитывать не придётся.

— С ними вместе.

— Там только одна комната, а они молодые, будешь мешать.

— Пристроюсь где-нибудь, может быть, квартиру сниму. Надо попробовать.

Видимо, «попробовать» было девизом этой семьи.

Ночью гостя долго ворочалась и охала, не могла уснуть. Полина тоже. Думала о Даше.

Утром ушла на работу, оставив на столе завтрак для Антонины. Вечером вернулась — Антонина смотрела телевизор и пила чай.

— А я тут немного похозяйничала, приготовила ужин и жду тебя. Хотела уйти, да не знаю, как дверь закрыть, у меня ключа нет.

— Её надо было просто захлопнуть, — ответила Полина, понимая, что по законам гостеприимства должна предложить

новой родственнице ночлег, но тогда она останется тут навсегда. К счастью, за ней приехал Саша.

На душе скребли кошки. Если бы можно было вернуть Дашу домой, но как можно забыть о будущем ребёнке, у которого должен быть отец. Этот экспериментатор — отец?

Даша позвонила в хорошем настроении, сказала, что у неё всё хорошо. Слышались оживлённые голоса Саши и Антонины. Но сердце ныло.

...Красота спасёт мир. А правит миром любовь. Так утверждают философы. А биологи-прагматики, далёкие от романтики и мыслящие приземлённо, безжалостно рушат эти теории, заявляя, что всё гораздо прозаичнее: жизнь каждого из нас начинается и развивается по законам продолжения рода человеческого. Этот закон соединяет двух особей, а чувства — это просто красивое прикрытие, иначе человечество прекратило бы существование. Полина знала, что мир рухнет для неё только в одном случае: если из него исчезнет Климов.

Недавно у неё появилась подруга со старым, давно забытым именем Олимпиада, Липа. Между собой и ею Полина почти физически ощущала непреодолимый барьер. Липа была истинно верующим человеком, пела в церковном хоре, мыла в храме полы. Верой была пронизана вся её сущность, каждый уголок души. Отец Липы, священник, передал ей эту веру, как бесценное насле-

дие — любовь к ближнему. Она и внешне являла собой зримое воплощение необходимых человеку духовных ценностей. Полная, голубоглазая, светлая, словно неиссякаемый источник целительных сил, она стремилась помочь каждому, кому могла. Носила платье до пят в мелкий цветочек, двигалась неспешно, плавно. За мужем не была никогда.

Полина шла к ней за советом. Липа внимательно слушала, мелко кивая, словно впитывая услышанное. Милое, круглое русское лицо. В глазах её не читалось ни банального женского любопытства, ни осуждения. Только понимание и доброта. Не осуждала Полининых отношений с Климовым, но и не одобряла их. Говорила: «Верующий человек всегда знает, когда грешит; он стыдится греха, а если не стыдится, значит, он не верует. Пойди в церковь, исповедуйся, покайся. А страдания — это очищение души, потому за него надо благодарить Бога».

Полина знала, что ни один священник не станет слушать её долгую исповедь, и боялась говорить вслух о своих проблемах. Понимала, что, покайся в грехах, должна будет расстаться с Климовым, но к этому не была готова. Она не чувствовала вины ни в том, что любила, ни в том, что отнимала Климова у семьи, даже боялась, что когда-нибудь он решится на этот шаг ради неё, и тогда она станет причиной чужой боли.

Однажды Климов сказал:

— Я боюсь, что твой Павел когда-нибудь уведёт тебя у меня.

Полина вспыхнула радостью: ревнует! Засмеялась:

— Уведёт-уведёт! И что ты будешь делать?

Он обернулся к ней, сделал страшное лицо и ответил:

— Я украду тебя у него! Учти!

— Учту! — Полина подошла к нему и обняла. Смотрела на него долго, будто запоминая каждую морщинку, твёрдые губы и густые брови. Когда он уходил, ей постоянно казалось, будто видит его в последний раз.

Позвонил Павел:

— Мама больна. Хотела тебя видеть. Тебя и Дашу.

Полина пошла одна. Свекровь сидела в кресле-качалке. На столике рядом стояли бутылки с соком и водой и лежали таблетки.

— Сердечная недостаточность, — пояснила свекровь. — Скорая приезжала три раза. Хочу передать тебе кое-что в память о себе.

— Почему мне?

— А кому же ещё? Тебе и Даше. Я много думала обо всём. Ты была хорошей женой моему сыну, несмотря ни на что, любила его.

— А нынешняя жена?

Свекровь горько усмехнулась:

— Она его использует. Молодая, да хваткая. Квартиру хочет. А потом выставит за дверь. Я всё вижу и слышу. И понимаю. А он не верит.

— Вам или ей?

— Никому. Подай мне вон ту сумку.

Положила перед Полиной толстый конверт, перехваченный широкой розовой лентой. Полина поняла, что в нём деньги.

— Хочу, чтобы ты запомнила меня по-хорошему. Мало ли, что было в прошлом. И Даше скажи.

Полина держала конверт и не знала, что с ним делать.

— Бери-бери, — сказала свекровь. — Пригодятся.

— Что я могу сделать для вас?

— Просто посиди рядом. Я всё время одна. Они приходят вечером, уходят куда-то, у них своя жизнь, я им не нужна.

На глазах пожилой женщины появились слёзы, губы сжались.

— У тебя есть кто-то? — неожиданно спросила она.

Полина поняла: в обмен на деньги она должна выложить всю свою подноготную.

— У меня другие проблемы, — уклончиво ответила она.

— С ребёнком пусть не торопят, ещё неизвестно, как уживутся, — после паузы сказала свекровь и закрыла глаза.

— Мне пора.

— Ну что ж, спасибо, что пришла. Заходи иногда.

Стало ясно: это была разведка. Мать Павла хотела знать, можно ли надеяться на восстановление семьи.

Дашу замучил токсикоз, её положили в больницу. Антонина в тот же день уехала домой,

всё это время она жила, пристроившись в кухне на угловом диване. Готовила еду, следила за порядком. По вечерам, чтобы не мешать молодым, гуляла по городу, ходила в кино.

Теперь Александр остался один в квартире, и это беспокоило Полину, время от времени она приезжала проверить, чем он занят.

Застала его перед телевизором за бутылкой вина.

— Я привезла передачу для Даши. Кстати, ты давно был у неё?

— Вчера. Можете спросить у неё, если не верите.

— Почему не верю? Верю.

Что ему сказать? «Люби её, навещай каждый день, заботься»? В его сознании так и не созрели ответственность и тревога за близкого человека, по-прежнему хотелось жить, думая только о себе.

— Можешь не отчитываться передо мной, но Даше сейчас нужны забота и внимание, прежде всего твоя забота.

С этими словами Полина пошла к двери. Саша смотрел ей вслед, не понимая, зачем она приходила.

В больнице карантин. Подняв голову, Полина смотрела на дочь через окно на втором этаже, видела осунувшееся лицо, большие глаза. Было понятно, что Даша сосредоточена только на своём самочувствии, устала от больницы и хочет домой. О Саше не спрашивала.

Через неделю её выписали, и жизнь Полины превратилась

в ежедневные марш-броски от своего дома до дочери и обратно. Можно было бы ходить пореже, но доверия к зятю по-прежнему не было. Только теперь Полина оценила помощь Антонины, поселившейся в кухне: на маленьком диванчике невозможно было расслабиться, вытянуть ноги, приходилось всю ночь поджигать их под себя, чтобы разместиться.

— Она хорошая тётка, — сказала Даша, — ласковая. Нянилась со мной, как с ребёнком. С ней весело было, в карты играли. — И после паузы: — Мама, я боюсь...

— Не бойся, — Полина обняла её. — Через это проходит каждая женщина. — Вздохнула. — Всё будет хорошо. Ты станешь счастливой мамой.

Родилась девочка Стеша, Стефания, по-русски говоря — Степанида, просто об этом забыли, да и не каждый знал.

Вернулась Антонина и всё взяла в свои руки. Поселилась на прежнем месте, в кухне. Готовила обеды, стирала пелёнки.

Полина шла через сквер, надо было купить детское мыло в ближайшем магазине. Проходя мимо скамеек, занятых парочками, увидела Сашу, рядом с которым сидела девушка. Совсем юная, с длинными волосами, расчёсанными на пробор по нынешней моде. Полина уткнулась в зятя взглядом и остановилась

как прикованная. Девушка толкнула Сашу в бок и кивнула в сторону Полины. Он поднял голову и застыл.

— Пойдём со мной, — спокойным голосом сказала Полина. Саша поднялся со скамьи и послушно поплёлся вслед за ней.

— Что это значит? — она смотрела ему в глаза и видела в них растерянность, как у нашкодившего пятиклассника, Саша избегал её взгляда. — Так вот: я сейчас же забираю их к себе, ты понял меня?

— Вы же ничего не знаете!

— Говори.

— Я должен этой девушке деньги. Даша велела купить коляску, а я их проиграл, сам не знаю как...

Слушать продолжение Полины не стала. Всё ясно: он ходит по игровым точкам, врёт, дочь верит ему. Расскажешь ей правду — у Даши пропадёт молоко... На сегодня у Полины есть деньги, полученные от свекрови. А дальше что? Он будет проигрывать и занимать. Попадёт в долговую яму со всеми вытекающими последствиями...

— Я не дам в обиду свою дочь, — бросила Полина и пошла по аллее. Саша стоял и смотрел ей вслед.

Даша лежала в жару: мастит. Столбик термометра рос, не могли ни уколы, ни компрессы. Когда температура перевалила за сорок градусов, скорая

отвезла её в больницу. Полина поочерёдно с Антониной ездили туда, забирали баночку с грудным молоком, грели его до температуры тела и поили внучку. Было неудобно и хлопотно делать это по нескольку раз в день, стало понятно, что это не лучший выход. Пришлось прибегать к искусственному кормлению смесями для новорождённых. Стеша отворачивалась от бутылочки с едой, заходила криком и часто срыгивала. Смотреть на это было невозможно. Полина почему-то чувствовала себя виноватой и сама иногда плакала от острой жалости и беспомощности, видя багровое от напряжения личико ребёнка, беззащитного перед лицом мира, в который он пришёл совсем недавно.

...Заказчик пожаловался на Полину, её вызвал на ковёр начальник управления, который на повышенных тонах учинил ей допрос с пристрастием: почему она своевременно не проследила за графиком работы бригады, не вышедшей в срок на новый объект. По мере продолжения разговора он всё сильнее распалялся, перешёл на крик, не выбирая выражений и перемежая свою речь матом, перебывал её, как девчонку. Излив накопившийся гнев, он наконец успокоился. А Полина — наоборот. Как известно, оправдывающийся всегда выглядит жалким и ещё более виноватым. Полина замолчала, ей вдруг стало всё равно.

— Я уволю тебя! — выкрикнул он.

— Ну и увольняйте, — ответила она и, не дождавшись окончания инцидента, хлопнула дверью.

Такое с ней случилось впервые. Полина была вежливой, терпеливой, дисциплинированной, умела договориться с любым клиентом. Начальство знало это и ценило её за дипломатичность. И вдруг... Обида, унижение, незащищённость... Поведение начальника, проблемы в семье, невозможность поделиться с кем-то и услышать в ответ хотя бы самую простую, ничего не означающую фразу: «Всё будет хорошо».

Дома рыдала так, что обессилела от слёз и, устав, внезапно забылась тяжёлым сном. Проснулась от острого жжения в груди, попробовала встать, сделать вдох, но ноги, словно набитые ватой, не слушались. Она сползла на пол и из последних сил набрала номер скорой, пробормотала в трубку адрес. Прибывший врач определил предынфарктное состояние, и Полину отвезли в кардиологическое отделение больницы.

— Эмоции — ваш враг, — сказал врач. — Вы должны не давать им воли, держать себя в руках. Иначе не вы ими, а они вами будут управлять, а это очень опасно.

...Больничное утро началось с грохота провозимой по коридору тележки с капельницами,

лекарствами, с громких голосов переговаривающихся медсестёр.

Через несколько дней Полину перевели из реанимации в палату.

— Самая лучшая кровать у тебя, новая, только что поставили, будешь спать, как королева, — санитарка похлопала рукой по одеялу.

Полина оказалась в палате на семь человек, в основном пожилых женщин. Двум из них, самым старшим, было уже за девяносто. Изжелта-белые, обострившиеся лица, выцветшие от старости глаза безучастно смотрели в потолок. Они перешагнули рубеж, за которым уже не было интереса к происходящему, не было желаний. Полину пронзил ужас при мысли, что, может быть, когда-нибудь и её настигнет такое же безразличие ко всему: прошлое позади, а будущее? У этих старух есть только сегодня. До сих пор у неё не было повода задумываться об этом: о беспомощности и зависимости человека от времени, случайности, от обстоятельств, вообще от окружающего мира.

Она видела, как в палату к тяжёлым больным приходили родственники. Одна из этих бабушек была одинокой, если не считать сына, живущего отдельно от неё. Она упорно не хотела выписываться в пустую квартиру, где никто её не ждёт, просила врача оставить её в больнице ещё на несколько дней. Сын к ней не приходил, а когда ему сообщили о выписке, появился. Стоял

на пороге палаты и наблюдал, как мать оттягивает последние минуты пребывания в больнице. Она рылась в своей тумбочке в поиске то документов, то таблеток. Всё валилось из её рук; не в силах сосредоточиться, она растерянно смотрела на него. Ничем не помогая старушке, он раздражённо торопил:

— Быстрее, быстрее, что ты возишься, машина ждёт! Какая ещё выписка, вон та бумажка, что ли, да зачем она тебе нужна!

Старушку посадили в тележку, а она всё причитала:

— Да как же теперь без меня моя подруга, мы же стали как родные!

К этой подружке, лежащей на соседней койке, через день приходила дочь, благоухающая дорогим парфюмом, наманикюренная, ухоженная. Задавала дежурные вопросы о самочувствии и аппетите, доставала баночки с едой, торопливо кормила мать, сообщая ей семейные новости и старательно демонстрируя палате заботу любящей дочери. Старуха почти не откликалась. Болезнь и старость сделали своё дело. Увидев старушку в первый раз, Полина приняла её за мужчину: высокий лоб, обострившиеся скулы, островки редких волос на голове, крупный нос.

А вечером, перед сном, в палату приходила санитарка, призыванием которой была любовь. Только любовь двигала ею, когда эта крепкая, ещё молодая женщина с круглым и добрым

лицом подходила к бабушке с ласковыми, весёлыми словами. Говорила ей что-то утешительное, осторожно переворачивала её, промывая складочки, самые потаённые места её тела, при этом повторяя: «Милая, потерпи, ну ещё немножко, вот молодец ты у нас!» Больная на глазах всей палаты оживала и светлела лицом, начинала откликаться. Говорили, что у санитарки тяжелобольная дочь, инвалид, которая нуждается в операции, дорогих лекарствах, а ей всего пятнадцать лет, и мать одна растит её и работает в нескольких местах, ожидая то ли чуда, то ли добрых людей из телевизора, которых дикторы каждый день призывают прийти на помощь и выслать кто сколько сможет.

Полина смотрела в белый больничный потолок, в окно, за которым синел краешек неба и чуть покачивались верхушки высоких осин. Однажды ей подумалось, что каждый человек проживает не одну, а несколько жизней — фаз, плавно перетекающих одна в другую. Каждая фаза — новый этап, когда всё приходится начинать сначала: окончание школы, поступление в институт, первая любовь, замужество или развод, новые друзья и враги, потеря близких, перемены в жизни самой страны. Новые этапы в её жизни — замужество Даши и Климов. Мысль о нём сейчас, на больничной койке, почему-то не согревала. Может быть, потому что впервые

их разлучили непреодолимые обстоятельства. Она не может обратиться к нему, почувствовать родное тепло, о чём-то попросить.

О чём говорит ей этот новый этап её жизни — больница? О том, что она одна, она по одну сторону, а он по другую, не дотянешься. И не надо ему знать о случившемся, не надо приходиться к ней сюда и видеть её слабой, несобранной, в халате и тапочках. Полина слышала его звонки в телефоне, видела сообщения, но молчала. Что-то в их отношениях сейчас выглядело не таким радужным, как прежде.

Время — как вода, скользящая между пальцами и уходящая навсегда. Вода очищает и обнажает всё, что было скрыто на дне. А что у неё на дне души? Тревога и неуверенность. Но есть же Климов, стоит только позвонить. А что потом? Больница — этап, который поставил много вопросов, о них не задумывалась прежде.

Полину перевели в палату, в которой лежали женщины её возраста. Сейчас их было две, третья кровать пустовала. Занятые разговором, они не заметили появления новой соседки. Оксана — с острым лицом и пышной причёской, Нина — рыжеволосая, небольшого роста. Она никогда не была замужем, но, как умудрённая опытом женщина, любила давать советы, касающиеся семейной жизни.

— Не позволяй мужу сесть себе на шею, не говори, как ты

его любишь, он тут же потеряет к тебе интерес, — поучала она.

Оксана молчала. Как-то раз Полина проснулась среди ночи от громкого шёпота.

— Говорят, надо бороться, — делилась Оксана. — Но как? И зачем? Всё равно уже ничего не вернёшь. Было время, я надеялась, что это ненадолго, а теперь вижу, что его засосало серьёзно. За двенадцать лет нашей жизни у него появлялись случайные женщины, но они приходили и уходили. А теперь, — она замолчала, задохнувшись от подступивших слёз, — это продолжается уже около двух лет. Молчу, терплю и не знаю... Устала.

...Вот как живут обманутые жёны — похудевшие, постаревшие раньше срока, в тоске и тревоге, без надежды на лучшее. Они хотят, чтобы их любили, — вот что самое главное для женщины, а в жизни Полины это есть, потому что Климов любит её.

Вечерами Полина выходила в больничный двор и садилась на самую дальнюю скамейку, смотрела, как больные гуляют и встречаются с родственниками. Её навещала Антонина, приносила бульоны и соки, рассказывала новости о внучке.

...В тот вечер на соседней скамье расположились Оксана и Нина. Были слышны их голоса, но ей не хотелось участвовать в разговоре подруг. И вдруг она увидела Климова, он направлялся прямо к ней. Растерялась: откуда узнал?

Впереди Климова катилась коляска, в ней сидела девочка лет девяти. Ножки у девочки были неестественно согнуты, словно ветки, сплетённые друг с другом, тонки и неразвиты. Смотреть на это было невозможно.

Коляска остановилась рядом с соседней скамьёй. Послышались восклицания, смех девочки, голос Климова. Полина замерла и повернула голову в их сторону. Сквозь ветки дерева, скрывающие её, увидела, как он поднял дочку и посадил её на колени к Оксане, девочка обняла мать и прижалась к ней. Нина встала, уступая Климову место рядом с женой. Он сел рядом, обнял её, провёл рукой по волосам. Оксана прижалась к нему и затихла. Так они и сидели, прижавшись друг к другу. А девочка — между ними, объединяя их в одно целое.

Полина не могла уйти, для этого пришлось бы пройти мимо них. Запертая в угол, она вынуждена была затаиться, слушать голос ребёнка, смех, шутки Климова, оживлённый голос Оксаны.

Они долго прощались. Климов посадил дочь в коляску и пошёл к выходу на улицу. Потрясённая Полина не могла собрать себя, как невозможно собрать разбитую на мелкие осколки посудину. Она словно оцепенела, двигаться не хотелось, думать не могла, идти в палату — тем более. Мысли и чувства смешались в какой-то невероятный сумбур и

не могли выстроиться в логическую связь друг с другом.

Климов никогда не делился с Полиной своей бедой, в то время как она с первого дня была открыта для него. И именно это оказалось сейчас самым болезненным: не говорил — значит, не доверял, не впускал её в свою жизнь. Никогда. Потому что считал чужой. Значит, не любил? Кем же она была для него? Случайной, одним из многих его приключений? Говорил: «Я украду тебя»... Зачем? Чтобы теперь ей стало ещё горше?

Вошла в палату. Соседки погасили свет и спали. Она собрала вещи. Завтра домой.

Семья. Вот что самое незыблемое и ценное в жизни каждого человека. Это знает Климов, который бережёт жену и дочь от потрясений. Это знает Оксана. Они понимают высшую человеческую мудрость. И только она, Полина, ничего не хотела знать. Семья — это безопасность, родное тепло и надёжность. Это единственное, что не подведёт и убережёт человека. Она — как Ноев ковчег, укрывший и спасший своих обитателей из пучины морской, вынесший их на сушу. Второго такого нет. А она разрушила всё легко и бездумно. И осталась на обломках, плывущих в открытом море без руля и без ветрил.

А Павел? В быстрой смене событий он вспоминался редко. Ей, раз и навсегда отсекая от себя прошлое, не хотелось думать и сомневаться, в её сознании Павел продолжал существовать нелепым ребёнком, потерявшимся и заблудившимся в своих проблемах. Но никогда он не изменял ей и своей семье.

Климов всегда жил для себя, отдельной жизнью. Рядом, но параллельно. Тайный и скрытный от всех, даже от самых близких. Уходя от Полины, закрывая за собой дверь, он окунался в свою неведомую им жизнь.

Забывтое тепло, очаг, ковчег... Можно ли всё это повернуть вспять? Но как?

...Климов позвонил на следующий день:

— Ты куда пропала?

— Я уезжала.

— Почему не отвечала на звонки?

— Нельзя было, не могла.

— Вернулась?

— Нет.

Помолчала и добавила:

— Оксану выпишут на днях. Ты знаешь? Я хотела тебе сказать: спасибо тебе за всё. Мне было хорошо с тобой.

И поспешно отключила номер, чтобы не разрыдаться.

Поколебавшись, набрала номер Павла:

— Поговорить надо. Позвони, когда у тебя будет время.